

Борис Минаев

Красота обречённых

Я пришел в Московский ТЮЗ на спектакль «Кошка на раскалённой крыше», как бы это сказать, с неким подавленным предубеждением.

«Кошка на раскалённой крыше» — не только пьеса американского классика Теннесси Уильямса, но и знаменитый фильм «золотой» эпохи Голливуда с Элизабет Тейлор и Полом Ньюманом. Фильм 1958 года, в памяти — почему-то черно-белый (а на самом деле цветной). Хотя с чего бы ему быть черно-белым?

Просто та эпоха кино, она действительно осталась в памяти черно-белой, как бы укрупняющей — по контрасту — яркие эмоции, исполинские характеры, душераздирающие драмы, ну и так далее. Черно-белая (или монохромная, или локально-цветная) гамма лишь подчеркивала тогда, что реальный мир, со всеми его деталями, горизонтом, деревьями или мебелью — только сцена, условная декорация для жизни человеческого духа.

Так вот, когда шел в театр, то думал — зачем все это смотреть снова, сейчас, в 2020-м нашем году?

Впрочем, кое-какой опыт у меня уже был — «Нюрнберг» в РАМТе, «Кроличья нора» на Малой Бронной вроде бы доказали мне, что театральная версия старого кино вполне возможна — но вопрос все равно оставался.

Советским цензорам было трудно угодить, но Теннесси Уильямса все-таки ставили в СССР, и ставили широко — в 60-е, 70-е, 80-е годы — чего стоит только знаменитая постановка в театре Маяковского, затем ставшая телефильмом, с Джигарханяном и Аллой Балтер...

Советские версии старых и новых западных пьес — при всей их талантливости — объединяло одно: «ужасы капитализма» должны были быть на первом плане. Они, ужасы, и были главным героем, не переменным фоном, очевидным подтекстом.

Но вот и эта эпоха закончилась, наступила и в самом деле новая, абсолютно новая.

Как наложить ту матрицу — на эту реальность? Пришел, сел в кресло, закрыл глаза — и снова открыл.

Брик в исполнении Андрея Максимова — совсем молодого, 20-летнего актера, который только в прошлом сезоне дебютировал на сцене московского ТЮЗа — это, собственно, и есть ответ на мой вопрос: зачем? Сам типаж выбранного режиссером Камой Гинкасом на главную роль актера, вся его психофизика, весь его облик — говорят нам о том, что предыдущее знание о «Кошке...» и ее героях обнуляется и приходит новое.

Пол Ньюман — несмотря на свою молодость, уже тогда, в 1958 году, красавец-мужчина, собственно, ничем не выделялся на фоне поколения. Достаточно взглянуть на фотографии — выпускники наших школ или американских колледжей середины XX века — это молодые мужчины. Да, с румянцем и первым пушком на щеках, но по сути — крупные сильные ребята, которые и в армии могут служить, и жениться, и быть отцами, и, как говорится, избирать и быть избранными. Они уже готовы занять свою позицию в череде социальных ролей, которые предлагает им тогдашнее общество. Они ждут и даже весьма жаждут этого.

Таков и Брик Пола Ньюмана: красавец, романтик, бретер, разочарованный и сильно пьющий мужчина, — в сущности, мечта любой девушки этой планеты. (Что уж говорить о 40-летнем Джигарханяне.)

Тюзовский Брик — Андрей Максимов — принципиально не готов ни жить, ни взрослеть в том мире, который ему предлагается. Он и по виду, и по сути — подросток: хилый, худой, шуплый, отверженный, одинокий, несчастный, каким может быть только подросток. Костыли (Брик, как вы помните, прыгал ночью через барьеры на стадионе в пьяном виде) лишь подчеркивают это душевное состояние и эту душевную организацию. Этот Брик — «малыш», хромяя утка, ребенок, ущербный по определению в мире взрослых. Есть, конечно, одно «но» — нынешний подросток, в начале XXI века, вряд ли будет глушить виски (дорогой, буржуазный напиток) целыми бутылками, скорее предпочтет что-то другое. Что именно «другое» — лучше и не думать.

Но это — лишь условность, и театральный зритель способен ее понять.

В остальном — персонаж Максимова — тот самый шуплый «хипстер», хиппарь нового поколения, обитатель московских кафе и мессия уличных демонстраций, непохожий на свою страну даже внешне, отрицающий ее ценности одним своим видом — мы на таких ребят насмотрелись этим летом, когда они ходили по улицам и требовали справедливости, но точно такие же ребята — сидят в любой IT-конторе, в любом клубе, на любой тусовке художников и писателей, в любом «кластере», которые поткрывались на месте прежних старых фабрик. Это поколение, выросшее и воспитанное на других привычках, на другой еде, на другом «материале», чем мы.

И как-то сразу становится понятно, зачем режиссер Кама Гинкас забросил этого персонажа туда, в ту патриархальную реальность 50-х.

А чтобы проверить. Проверить подлинность тех ценностей и тех конфликтов, на которых выросло нынешнее поколение бунтарей.

Ведь там, в 50-х, все по-другому, все по-настоящему. Там эти «ценности нового века» еще не обросли коммерцией, идеологией, модой, дизайном, пиаром, словом, золотым салом. И когда Брик вдруг открывает, что его покойный друг Скиппер, «Капитан», по мнению окружающих, проявлял к нему какой-то «неподобающий» интерес и, поняв это, он умер, покончил с собой — это для Брика потрясение. Настоящее потрясение. То, что сегодня выглядит всего лишь как штамп современной культуры («однополая любовь»), — там, в мире Теннесси Уильямса — настоящая буря, настоящий разряд тока. Кстати говоря, Теннесси Уильямс не был сильно доволен знаменитой экранизацией Брукса — то, что в пьесе звучит как чудовишно важный вопрос, не имеющий ответа («однополая любовь»), — в фильме (и, конечно же, вслед за ним и в советской теледраме) — уходит на второй план, затушевывается, стирается.

Но дело, конечно, не только в этом. Все темы, важные для всех поколений молодых бунтарей, — тогда звучат совсем иначе. Ну, скажем, основная тема — конфликт поколений, отцы и дети.

Мир, построенный отцом Брика, «большим Па»: его кровавый труд, его пот торговца, по копейке сложившего состояние, его великие экономические достижения, — сегодня это просто счет в банке, стандартный набор образа жизни богатых людей. Тогда — это настоящее «большое наследство», из плоти и крови, выстраданное и выработанное первым поколением этих богатых «отцов», обладающее ценностью личного опыта, ореолом силы, это то, что нельзя потерять и нельзя не ценить, оно абсолютно уникально и неповторимо: дом, люди, власть, деньги, — все, от чего так легко отказывается Брик.

Так ли легко сегодняшние бунтари готовы отказаться от денег, от власти? Или — напротив — к ней стремятся? Важный вопрос.

Ну и, наконец, сама проблема бегства, эскапизма, ухода от реальности в «свой мир» — то, что теперь так привычно, так обыденно, чему теперь служат тысячи умных и дорогих сервисов, целая индустрия «ухода», от культуры дауншифтинга в далеких азиатских странах, на побережье теплых морей — до виртуальных «жизней», которые можно проживать, не выходя из комнаты, — а вот для Брика — это труднейшая, чудовищная схватка с живыми людьми, которые его не понимают. Каждодневная битва, в которой у него только один союзник — этот самый виски.

Готовы ли сегодняшние бунтари на конфликт такой классической силы?

Кама Гинкас смотрит на своего героя — и одновременно смотрит на самого себя, проверяя и свой жизненный путь, свои ценности, в этом подспудная сила спектакля, он, конечно, автобиографичен для поколения наших «шестидесятников» и «семидесятников», кем бы они ни были.

Герой Андрея Максимова — это своеобразный «апостол Брик», предтеча всех нынешних бунтарей с их комплексами и страданиями, но только если шестьдесят лет назад он появился на мировых экранах в образе невероятно красивом, очаровательном, привлекательном и даже слегка отлакированном — то сегодня мы смотрим на него (глазами режиссера) совсем иначе.

Он как будто придавлен этим страданием, он ментально разрушен, он — фактически пациент всемирно-исторической больницы.

Да, из него может выйти революционер, может выйти обыватель, но мы уже сегодня знаем, что эскапизм его и его бунт — упрутся в стену. И в шестидесятые, и в восьмидесятые, и в девяностые, и в нулевые, и сейчас — ничего из этого бунта не выйдет. Новый мир для Брика никак не желает выстроиться, новая реальность, в которой он хотел бы жить, невозможна, деньги и власть — как бы это ни было ему противно — по-прежнему в тупой кровавой связке.

Непросто понять сразу, какими средствами Кама Гинкас обновляет, или говоря более обтекаемо, «актуализирует» палитру идей Тенниси Уильямса. Конечно, не только с помощью одного Брика, его типажа и характера. Невероятная по мощи игра Валерия Барина — отца Брика — это то, что нужно назвать прежде всего. Вообще, пожалуй, главное отличие этой театральной постановки от всех предыдущих версий — Брик как бы нарочито «ослаблен» (хотя, как оказывается в итоге, на поверку многократно усилен) как персонаж, а те персонажи, которые выглядели на его фоне мелко, пошло, слишком бытово, поверхностно, служили иллюстрацией советского тезиса о «мещанстве», — они нереально усилены и становятся мощной антитезой всей истории мирового бунтарства, воплощенной в Брике. Они живые, плотные, плотские, яркие, энергетически сильные — буквально все, от Мэгги (ее замечательно играет молодая звезда ТЮЗа Софья Сливина) до священника. В отличие от бесплотного Брика — это «живые люди», люди, которые хотят не исчезнуть, как он, а занять как можно больше места. Все они — правы в споре с Бриком, и трагически-мощный, умирающий «большой Па», который хочет оставить свой мир интересному, талантливому Брику, а не другой родне, поглощенной производством младенцев. Невероятно обаятельная Мэгги, которая прекрасно понимает, что только ее любовь и нежность способны спасти бунтаря. И даже Гупер и Мэй, с их пятью детьми, озабоченные получением наследства, идеей выживания, замкнутые в своем мире «наследства» и наследников, то есть младенцев, которые ничуть не оправдывают их пошлости и интриганства, — тоже по контрасту подчеркивают бесплотность и ментальную «бледность» Брика.

Однако их правота раз за разом разбивается обо что-то.

И это тоже показано в спектакле с какой-то подспудной, неяркой убедительностью. Идея Брика о том, что этот мир, несправедливо и подло забравший у него лучшего друга, обречен на умирание, на полный крах, — она оказывается все же более важной и более сильной. Эта идея о том, что возможен иной, более цельный и более чистый мир, несмотря ни на что, побеждает и утверждает себя. И все бунтари, которые во всех поколениях, раз за разом расширяют лбы об стену, — в этом Брике показаны как заколдованное племя победителей. Только в них есть правда. И только поэтому и отец, и Мэгги, и все прочие — склоняются перед этим сломленным, опустошенным алкоголиком. Он ведет человечество в очень правильном (или единственном?) направлении. Так выходит, так получается. Получается — несмотря на всю «красоту обреченных», которую уже в первой сцене замечает в любимом не только сексуальная, но и умная Мэгги.

Когда-то о «Дон-Кихоте» Мережковский писал, что роман Сервантеса принадлежит к тем произведениям, основные смыслы которых раскрываются постепенно, в будущем, в следующих поколениях. Не знаю, можно ли причислить к этому ряду «Кошку на раскалённой крыше», но мне так показалось.

Summary

Sergey Samsonov. High Blood. A novel

Critics compared S. Samsonov's novel "To Hold On to the Earth" ("DN", # 8-10, 2018) awarded by "Yasnaya Polyana" prize with "Quietly Flows the Don". In his new novel (it's a kind of prequel) the author openly steps upon Sholokhov's territory – Cossack hamlets and stanitsas of the times of the Civil war. "The war has turned into ashes the notions of the old sod, foreign country and homecoming, since the motherland was now everywhere and nowhere belonging both to you and to the reds. And this inseparability of everything around, the necessity to tread common prairie, to breath common air began to boil with hatred in the people".

Galina Klimova. The Storyteller of the Birds. Long short story

It's all simple: two colleagues, middle-aged family people, "sunstroke" – and the souls that haven't jointed. "No final point, no good-bye forever", the lives lived apart with all the concomitant signs: the gloom of solitude, searching for one's place in the changing country and acquirement of the worldly wisdom. But the tensely ringing intonation with which they are recreated by Galina Klimova makes us to speak about prose of the poet.

Poetry

Time and the Times – one of the eternal themes of poetry. A flashback from today into antiquity with its myths of the gods and heroes and then still deeper into the Old Testament world – this is what kindles our interest in the poems of Efim Bershin and Alexander Timofeevskij. Sergej Pagin meditates over the time as a criterion of the human life. Andrey Dmitriev takes up his call.

Igor Sid. Russia and Ukrain: Synergy of Ressentiments

"Catastrophic events that took place in Ukrain in the last years to many people seem to be self-sufficient. In this essay we'll try to analyze how the process of the newest split of Ukrain is not only connected with some less evident processes that had been taken place in the country in the previous more than 20 years but largely determined by them," – that's how the author himself allots the task of his essay.

Mikhail Rumer-Zaraev. Sons of Abraham

A view of the more than thousand-year long history of relationships between Jews and Arabs from the XXI century.

Valentin Rasputin, Valentin Kurbatov. Letters of the 1990 – 2000s.

'You haven't blame Astafiev when he osculated with the man fooling the whole country – my tongue refuses to call him president. For you it was unpleasant but permissible in the fight with Zuganov (what communism are you talking about, as if you believe in its return!). But when I sat next to Zuganov at the press-conference – dedicated by the way to financing of the sciences, education and culture, – it was interpreted as not less than treachery. Now talk about "whom are you with, masters of culture"(1996)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Малый Гнездниковский пер., 12/27)

«Русский путь» (Нижняя Радищевская ул., 2. (Дом русского зарубежья)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин Лабиринт.ру

в любом городе страны.

Верстка: Елена ЖИРНОВА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЬЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»